

Митрополит Иларион: Трагедия Льва Толстого заключалась в том, что на своем жизненном пути он не встретил Христа

29 марта 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал советник Президента Российской Федерации по культуре В.И. Толстой.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим на тему, которая, думаю, многим из вас будет интересна, – «Лев Толстой и Церковь». У меня в гостях праправнук Л.Н. Толстого, советник Президента Российской Федерации по культуре Владимир Ильич Толстой. Здравствуйте, Владимир Ильич!

В. Толстой: Добрый день, Владыка! Спасибо за приглашение. В начале нашей беседы я хотел бы задать вопрос, который, конечно, не может не волновать всех потомков Л.Н. Толстого: Как сегодня Православная Церковь относится к великому русскому писателю? К определению Синода, принятому в 1901 году? К тому, как с течением времени эти исторические события смотрятся из наших дней?

Митрополит Иларион: Наверное, Вы не первый раз ведете такой разговор с представителем Церкви. Я понимаю, что для Вас – как и для многих читателей и почитателей Толстого, – это болезненная тема. Я очень люблю Толстого как писателя. В юности зачитывался его романами. Считаю, что это величайший наш писатель – настоящий мастер русского языка. Человек, который смог отразить русскую душу во всем ее многообразии, который внес уникальный вклад в русскую и мировую литературу. В этом уникальная заслуга Толстого. Не случайно Толстой и Достоевский – те два русских писателя, которых знает весь мир. Более того: может быть, я кого-то удивлю, но я считаю, что Толстой – христианский писатель.

В. Толстой: Безусловно.

Митрополит Иларион: Во-первых, он христианский писатель по своим корням, во-вторых, именно в его романах, которые люди читают по всему миру, отражено очень глубокое христианское мировоззрение – многие из его героев являются носителями христианской нравственности. Лев Толстой раскрывает жизнь во всем ее многообразии, будучи при этом по своей сути писателем глубоко христианским.

В. Толстой: Я с Вами совершенно согласен. Особенно его поздние вещи – народные рассказы: удивительные чисто христианские, евангельские сюжеты и герои. Лев Толстой – очень гуманный писатель, который всегда добро ставил превыше зла. Если Вы обратите внимание, у Толстого практически нет негодяев, совсем отрицательных персонажей. Он в каждом ищет и находит свет Божий, нравственные качества, которые ему симпатичны. Он описывает людей не черными и белыми красками, а очень объемно, видя их души и поступки.

Митрополит Иларион: В творчестве Толстого есть сторона, которую люди знают мало. Это его сочинения на нравственные темы, дидактические сочинения для крестьян, так называемый перевод Евангелия... Когда я сравниваю великие романы Толстого с этими опусами, к меня как у церковного человека и человека, знакомого с его творчеством, создается впечатление, что эти вещи писали два разных автора. Мне трудно представить, как одно могло ужиться с другим в душе одного человека. То, что Толстой называл переводом Евангелия, не было переводом. Во-первых, он не знал греческого языка...

В. Толстой: Он специально учил его для этого.

Митрополит Иларион: Он специально его учил, но не знал. Во-вторых, он делал этот так называемый перевод с желанием сознательно исказить текст. Например, слово «фарисей» он переводил как «православный». А почему? Он хотел этим сказать, что современные православные подобны фарисеям. Он выкинул из Евангелия все чудеса: рождение Христа от Девы, Воскресение Христово. По сути дела, он отказался от всех основополагающих христианских догматов. У него от христианства осталась только нравственность. Причем нравственность, понятая им тоже по-своему. Например, Христос никогда не проповедовал пацифизм по версии Толстого.

Почему в итоге дело закончилось так называемым отлучением Льва Толстого от Церкви? Потому что он на протяжении многих лет публично высмеивал Церковь. Он отказывался от христианских догматов. Он сам заявлял, что не является членом Церкви, не разделяет ее учения. Что, собственно, Церковь и констатировала в своем определении.

В. Толстой: Вы правильно сказали: «так называемое отлучение», потому что, по сути дела, речь идет об определении Святейшего Синода, в котором в очень деликатной форме были обозначены расхождения, имевшие место между Церковью и Толстым. Я не буду сейчас пытаться защищать позицию Льва Николаевича. Удивлюсь лишь тому, что не только Православная Церковь, но и Владимир Ильич Ленин, мой тёзка, считали Толстого великим писателем, но при этом слабым философом. Философию Толстого, действительно, все пытаются отделить от его

художественного гения. Но Толстой обладал внутренним единством. Это были его искренние искания. Для Церкви они являются заблуждениями, но как человек он был очень честен. То, что он чувствовал и думал, он не мог выразить другими словами. Если он не мог поверить в чудеса, он не мог делать вид, что верит в них. Он поразителен в своей правдивости, искренности. Он не мог скрыть своих внутренних сомнений и высказывал их так, как велело ему сердце, его ум.

Действительно, нельзя не признать, что были моменты, когда он переходил границы дозволенного. И в этом ему помогали окружающие. Мне кажется, особую роль здесь сыграл Чертков. В том же романе «Воскресение» есть отдельные пассажи, которые собственно и вызвали прямую реакцию Синода, – а именно описание Евхаристии, – Толстой не собирался их печатать. В той версии, которую он готовил для публикации, он убрал эти моменты. Но по настоянию Черткова они все-таки появились в печати.

Конечно, эта тема – очень глубокая и сложная. Сейчас нам с Вами не удастся разобраться в ней во всей полноте. Толстой не стремился к разрыву с Церковью. Но когда определение Синода вышло, он вынужден был с горечью признать и констатировать свое расхождение с определенными догматами.

Митрополит Иларион: По сути, он признал правоту этого определения, потому что сказал: да, действительно я не разделяю те догматы, о которых говорится. Оспаривала это постановление его жена Софья Андреевна, а сам Лев Николаевич не оспаривал. Здесь нельзя не коснуться знаменитого ухода Толстого, о котором не так давно была написана, на мой взгляд, очень хорошая книга Павла Басинского «Бегство из рая», где он показывает, что помимо религиозных исканий большую роль сыграл очень глубокий бытовой конфликт между Львом Николаевичем и Софьей Андреевной, и что это был последний порыв Толстого к истине. Ведь куда он направился? В Оптину пустынь и в Шамординский монастырь. И когда он находился на смертном одре и когда, по-видимому, для него было возможно покаяние, он оказался в руках своих последователей. Он оказался заложником той ситуации, которую в значительной степени сам и создал, приблизив к себе определенный круг людей, замкнувшись в этом круге. И потом, в критическую минуту, когда он уже не владел собой, когда он был, наверное, на грани сознательного и бессознательного сознания, именно эти люди не допустили к нему оптинского старца.

В. Толстой: Они даже не допустили к нему его собственную жену Софью Андреевну. По сути дела, прощание состоялось, когда Толстой был без сознания. Это, действительно, настоящая трагедия – человеческая, духовная. Мне кажется, сегодня гораздо важнее находить то, что объединяло Толстого и его христианство с Церковью, потому что в наши дни нет более важных вещей, чем нравственные основы, которые защищает и Церковь, и истово защищал Лев Толстой. Сегодня нам больше всего не хватает искренности, открытости, правдивости, честности,

милосердия и нравственности в самом широком и самом глубоком понимании этого слова. Мне кажется, это то самое поле, на котором можно объединить и чаяния великого Льва Толстого и то, чем уже на протяжении многих веков занимается Русская Православная Церковь.

Митрополит Иларион: Давайте вернемся к тому вопросу, который Вы поставили в начале нашей беседы: как сегодня Церковь смотрит на Толстого и на конфликт между ним и Церковью? Мне кажется, что главным в синодальном постановлении было не осуждение Толстого как лжеучителя, как еретика, а именно скорбь о том, что произошла трагедия. Один из наших религиозных философов очень точно отметил: трагедия Толстого заключалась в том, что он много лет искал Христа, но не встретил Его на своем жизненном пути, то есть в своем внутреннем религиозном опыте он не встретил живого Спасителя. И это подтверждается его дневниками, его прозой.

Он рассказывает, например, о том, как отошел от Церкви: это произошло в момент Причастия. Он совершил все положенные обряды, он говел, ему казалось, что он подходит к Чаше с вполне правильным настроением... И вдруг в тот момент, когда священник стал говорить, что это есть Тело и Кровь Христовы, Толстой сказал себе, что не верит в это. С этого начался его отход от Церкви. С одной стороны, это был акт той честности, искренности, о которой Вы говорите, но, с другой стороны, произошло то, что мы как христиане и я как священнослужитель не можем воспринимать иначе как трагедию: в тот момент, когда человек должен был встретить Христа, он Его не встретил.

Это нельзя поставить только в вину человеку, здесь есть некая тайна взаимоотношений между человеком и Богом, которую мы как священники видим в судьбах многих людей. Мы видим, что иногда Господь каких-то людей призывает явным образом, но почему-то они этот призыв не слышат, не замечают, что Господь рядом, и это действительно трагедия человека. Ведь когда сестра Льва Николаевича после его смерти спрашивала, как за него молиться, оптинские старцы говорили: молись за него, ибо милосердие Божие безгранично. И мы верим в это милосердие Божие.

В.Толстой: Вы же знаете, что его сестра была монахиней в поздние годы своей жизни. Конечно, она очень любила и брата, и Бога, и думаю, что ее молитвы были полны и слез и любви и многое сделали для души Льва Николаевича. Я в этом абсолютно убежден. Есть люди, которые Бога не ищут, есть люди, совершающие преступления, убивающие других людей и делающие много дурного в жизни. А есть люди, которые всю жизнь ищут Бога, но кому-то посчастливится найти Его, а кому-то, в том числе, как Вы считаете, Льву Николаевичу – нет. Мы с Вами – смертные земные люди и не знаем, что в итоге состоялось, а что нет, когда его дух отлетал, когда оканчивался его земной путь. Это общая тайна Толстого и Бога, и такой она, наверное, останется, а нам просто надо быть добрее, мягче и видеть хорошее, а не дурное.

Митрополит Иларион: Я согласен с этим, и я знаю, что многие потомки Льва Николаевича, будучи глубоко верующими православными людьми, переживали, в том числе, и за его судьбу, молились и молятся за него. Это очень важно для его судьбы: весь мир почитает его как великого писателя, но что происходит с его душой, знает один Господь, и все те, кому дорого его имя, призваны молиться за него, за упокой его погибшей души, ибо Господь обладает неизреченным милосердием и может спасти человека неведомыми для него и для нас путями.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/51621/>